

объективный, элементъ поэзіи; въ ней, какъ вообще въ искусствѣ, есть другой элементъ, субъективный: изъ безпредѣльнаго міра явленій художникъ дѣлаетъ выборъ; но и выбранное онъ изображаетъ сквозь призму своей души; его образы— это способъ объясненія міра и жизни со своей точки зрѣнія; это средство дѣлиться съ нами своимъ міропониманіемъ; это такъ называемая „внутренняя форма“ поэзіи, ея существенное свойство; въ соприкосновеніи съ душою художника открывается для насъ огромный источникъ наслажденія, тѣмъ высшаго, чѣмъ ясныѣ образы, вводящіе насъ въ его душу, и чѣмъ чище и выше его настроеніе, чѣмъ глубже его пониманіе.

Въ художественныхъ созданіяхъ Толстого съ рѣдкою ясностью выразилось его личное міропониманіе. Основа его— идея религіозно-нравственная, и содержаніе ея близко къ его моральному ученію послѣдняго періода.

Биографъ говоритъ о „заглядываніи за предѣлы жизни“ въ этомъ періодѣ; но имъ полны художественныя созданія Толстого, и самое слово „заглядывать“ взято у его Пьера¹⁾. Какъ часто изображаетъ онъ намъ таинство смерти, какъ глубоко провидѣль онъ душу умирающаго, и какъ далеко проникалъ его взоръ, до крайнихъ предѣловъ жизни, точно стремясь перейти за роковую грань, отдѣляющую жизнь отъ тайнъ вѣчности; какъ часто любимые герои его, надѣленные имъ его собственными душевными переживаніями, волнуются вопросами о переходѣ въ иной, таинственный міръ. За пестрымъ міромъ явленій онъ такъ любитъ чувствовать высшія силы, общія начала жизни; а смерть, какъ и рожденіе человѣка, были для него обстоятельствами, при которыхъ эти высшія силы особенно чувствуются, были „какъ будто отверстіями, сквозь которыя показывается что-то высшее“²⁾. Великій реалистъ, любящій и рисующій жизнь во всей ея полнотѣ, онъ, однако, такъ любитъ изображать эти таинственные моменты, да и другіе подобные моменты, когда человѣкъ, подъ вліяніемъ особаго напряженія своего духов-

¹⁾ „Война и Миръ“, т. II, ч. II, гл. 12.

²⁾ „Анна Каренина“, ч. VII, гл. 14.